

Патрик Серио (Лозанна, Швейцария)

**ПОЧЕМУ БАХТИН – НЕ ПЕШЁ? ОБ ОДНОМ БОЛЬШОМ
НЕДОРАЗУМЕНИИ ПО ПОВОДУ АНАЛИЗА ДИСКУРСА¹**

В статье представлено критическое рассмотрение распространённого заблуждения о близости французской школы анализа дискурса (М. Пешё) и работ группы М. М. Бахтина. Фундаментальное различие автор усматривает в противоположных трактовках активности говорящего субъекта.

Ключевые слова: анализ дискурса, Бахтин, Пешё, Бразилия, Россия, субъект, исторический контекст, идеология

P. SÉRIOT (LAUSANNE, SWITZERLAND). WHY BAKHTIN IS NOT PÊCHEUX? A GROSS MISUNDERSTANDING IN DISCOURSE ANALYSIS. The paper presents a critical approach to the widespread misconception that the French school of discourse analysis (M. Pêcheux) and Mikhail Bakhtin's circle were genetically interrelated. The fundamental difference between the two lies in opposite views upon the activity of the speaking subject.

Keywords: discourse analysis, Bakhtin, Pêcheux, Brasil, Russia, subject, historical context, ideology

Если рассматривать традиции анализа дискурса, сложившиеся в двух интеллектуальных сообществах, во Франции и в Бразилии, то вырисовывается такая более или менее ясная картина: там говорят о двух тёзках со сходной судьбой – Мишеле и Михаиле. Общей целью исследователей по обе стороны океана является желание соединить свои политические убеждения с методом критического прочтения текстов, который называют «анализом дискурса», притом так, чтобы они взаимно друг друга объясняли и поддерживали.

---

¹ Французская версия статьи «Pourquoi Bakhtine n'est pas Pêcheux : un grand malentendu sur l'analyse de discours» вышла в сборнике: *Análise de discurso no Brasil. Pensando o Impensado Sempre. Uma homenagem a Eni Orlandi* / Eduardo Alves Rodrigues et al. (éds.). Campinas: RG Editora, 2011. Pp. 221-230.

Именно эту идею общей судьбы, подхода, метода, целей и задач у Бахтина и у Пешё я и хотел бы подвергнуть критическому анализу в данной статье. Эта задача для меня немного упрощается по той причине, что в последние годы многие бразильские коллеги стали сомневаться в правомочности подобного объединения в рамках единой концепции анализа дискурса¹. Эни Орланди также справедливо отмечает, что Бахтин, в отличие от Пешё, «не признаёт ни относительной автономии языка, ни присущего ему собственного порядка» (Orlandi 2005: 44). Следуя критическим замечаниям самого Пешё, она приходит к собственному выводу, что субъект для Бахтина имеет социопсихологическую природу (без влияния бессознательного), он интенционален; а взаимодействие есть психосоциальный факт (Там же: 45); наконец, именно понятие языка по отношению к дискурсу составляет различие между анализом дискурса у Пешё и бахтинской концепцией.

В полном соответствии с анализом Эни Орланди, а также с призывом Анны Зандвайс (Zandwais 2009: 1) переосмыслить «специфический исторический контекст», в котором писались тексты «группы Бахтина», я хотел бы продолжить эти мысли, опираясь на углублённое прочтение оригинальных текстов Бахтина, Волошинова и Медведева. При этом я предложу более радикальную идею: нет никакой связи, ни тесной, ни далёкой, между основными положениями Пешё и Бахтина, а якобы подобие и явное сродство между ними являются не чем иным, как результатом огромного недоразумения, которое само по себе зиждется на скороспелых выводах из прочитанного и на сомнительных сравнениях, которые опираются, в свою очередь, на в значительной мере неверные переводы, что в результате и порождает мнимое и вымышленное сродство Бахтина и Пешё².

---

¹ Но в большинстве случаев как для французских, так и для бразильских исследователей «Бахтин оказал влияние на основные теоретические направления исследования текста и дискурса, предвосхитив многое, в особенности, достижения последнего тридцатилетия» (Vargas 2005: 25).

² Был ли Пешё знаком с Бахтиным? Обычно цитируют «Немыслимый язык» – «LA LANGUE INTROUVABLE» (Gadet & Pêcheux 1981) для доказательства его интереса к Бахтину. Но в этой книге нет практически ни одной бахтинской цитаты, а кроме того, совершенно не упоминается имя Волошинова. Ситуация переворота в языковедческой мысли в эпоху революции 1917 года идеализируется Пешё, при этом он не усматривает никакой свя-

1. Дискурс: понятие, которое чаще употребляют, чем определяют

Чем более знакомо слово, чем более оно «невинно», чем больше кажется, что его значение известно всем, – тем большего «предательства» следует от него ждать. Именно в этом заключается одно из достоинств анализа дискурса – благодаря его появлению мы стали больше чувствовать необходимость не-наивного прочтения текстов, терминов и просто слов. Именно поэтому стоит задуматься, каков же статус самого понятия *дискурс*, которое часто выступает не столько как обыденное или научное понятие, сколько как условный сигнал типа пароля или заклинания.

Статья Таис да Силва Мартинс (2009) обрисовывает общие черты академических подходов как в Бразилии, так и в Аргентине на примере весьма интересной картины в бразильском штате Риу-Гранде ду Сул: библиографический список в программах университетской дисциплины «АНАЛИЗ ДИСКУРСА» включает значительное количество работ Бахтина и Пешё. Так, например, аспирантский курс по лингвистике и филологии («*CURSO DE POS-GRADUAÇÃO EM LINGUISTICA E LETRAS*») в Институте филологии и искусств Папского Католического университета Риу-Гранди-ду-Сул с 1987 года предлагает в программном списке для чтения по анализу дискурса две книги М. Пешё, три – М. М. Бахтина и пять работ Э. Орланди¹. При этом данное учебное заведение, как представляется, весьма далеко от политической борьбы. Соединение концепций кажется идеальным, согласие мыслей достигнутым, но на самом деле здесь царит полная неопределённость: ни одна из рассмотренных нами программ не объясняет, почему все эти источники объединены в рамках одной дисциплины – анализа дискурса. Эти программы также не предупреждают об опасности преувеличения схожести представлений, объединяемых под эгидой одного термина. Сама же статья да Силвы вышла в свет в электронном издании «БАХТИНИАНА», подзаголовок которого звучит так:

зи с теоретическими выкладками Бахтина, который упоминается им лишь вскользь, когда он пишет о его интересе к сатире. Этого мало для того, чтобы из Бахтина сделать «отца-основателя» анализа дискурса.

¹ Эни Орланди (Eni de Lourdes Puccinelli Orlandi) – бразильская исследовательница, одна из первых в своей стране опубликовавшая работы по анализу дискурса; работает в университете Кампинас, штат Сан-Паулу.

«ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДИСКУРСУ» («REVISTA DE ESTUDOS DO DISCURSO»).

Если посмотреть на вышеупомянутый библиографический список более детально (Silva 2009: 213), можно увидеть, что все приведённые в нём издания либо бразильские, либо французские, а работы Бахтина цитируются в переводах на португальский, либо на испанский (Мексика). В списке нет ни одного оригинального издания на русском языке, не приводится ни одной трактовки идей Бахтина из России.

Разумеется, ясно, что в университетских кругах в Бразилии русский язык гораздо менее распространён, нежели французский, но отсутствие оригинальных изданий и цитат имеет и более глубокие причины, чем недостаток русистов в Бразилии.

Я часто бываю в России и в Бразилии, чьи академические круги друг с другом не знакомы. Это позволяет обнаруживать удивительные явления, которые при сравнении друг с другом выявляют совершенно вопиющие несоответствия. Исходя из этого, вот что я могу констатировать в первую очередь: ни сам термин *дискурс*, ни соответствующее понятие, ни сама идея дискурса *не существуют в России*. Можно и не пытаться найти это слово в обширной традиции интерпретации бахтинских текстов, которая развивается в России с 60-х годов, когда группа молодых московских литературоведов «открыла заново» работы Бахтина.

Нельзя так слепо доверять переводам. Однажды, когда я высказал мысль о том, что понятие дискурса не существует ни в России в целом, ни у Бахтина в частности, один мой французский коллега возразил, что под этим утверждением нет никакого основания: достаточно прочитать список бахтинских работ, чтобы убедиться в этом. «Разве Бахтин», – сказал он, – «не говорил многократно о *видах дискурса (genres du discours)*»? Когда же я напомнил ему, что Бахтин писал не по-французски, а по-русски, а значит и говорил он не о «видах дискурса», а о «жанрах речи» или «речевых жанрах», и что у нас нет и не может быть никакой уверенности в том, что первый термин (*genres du discours*) является верным переводом второго (*речевые жанры*), коллега ответил мне, что на самом деле он об этом никогда не задумывался...

Русское слово *дискурс*, действительно, можно встретить в рунете, но это всегда будет переводом с французского или английского. Собственное употребление этого термина весьма и весьма

странно. Так, можно встретить словосочетание «русский дискурс» (*le «discours russe»*) в смысле проявления «русского менталитета» или «национального русского характера». Этот термин обозначает единодушный взгляд однородной массы говорящих, что мне кажется совершенно несовместимым с дискурсивной проблематикой школы Пешё.

А вот ещё один случай: стажёр из Украины (она провела в нашей рабочей группе в Лозанне целый год) спросила меня в конце своего пребывания: «Если позволите, я подведу итог того, что я узнала за этот год: дискурс это то же самое, что и стиль?»

Следовало бы приветствовать сравнение двух различных «интеллектуальных миров», пользой от которого станет уточнение понятия.

Кратко отметим тот факт, что в переводах текстов Бахтина, Волошинова и Медведева слово *дискурс* используется для передачи совершенно различных терминов из исходных текстов. Можно даже не упоминать совсем уж анекдотические случаи, как во французском переводе 1977 года, где выражение «*проблема высказывания и диалога*» в «МАРКСИЗМЕ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА» В. Волошинова переведено как «*le problème de l'énonciation et du discours*» (см. стр. 24 оригинального текста 1930 года; я предлагаю это перевести как «*problème de l'énoncé et du dialogue*»). В португальском издании, являющемся фактически переводом с французского, ошибка наполовину исправлена: «*o problema da enunciação (досл. высказывание) e do diálogo*», а испанская версия даёт: «*el problema del enunciado (досл. высказанное) y del dialogo*». Наиболее неудобным является то, что слово *discours* может передавать различные термины языка оригинала: *речь, слово, высказывание*. Г. Филиппенко переводит «СЛОВО В ЖИЗНИ» (Волошинов 1926) как «*LE DISCOURS DANS LA VIE...*», а Ц. Тодоров (Todorov 1981: 289) переводит выражение «*речевая тактичность*» в «Формальном методе» П. Медведева как «*la tactique discursive*» (досл. *дискурсивная тактика*), то что Б. Вотье передаёт как «*le sens des convenances*» (досл. *чувство условностей*) (Medvedev 2008, 224). Я предлагаю такой перевод: «*le fait d'utiliser la parole avec tact*» (досл. *факт использования речи с чувством такта*).

У Бахтина и Волошинова объектом, который активно выдвигается ими на первый план, не является дискурс в понимании Пешё, то есть, дискурс в целом определяемый как совокупность «цирку-

лирующих» высказываний, источник которых не может быть установлен или обозначен, которые могут принадлежать к различным сферам, но при этом подчиняются общим правилам функционирования. Это вовсе не исключительно лингвистические или формальные правила, в них воспроизводятся исторически предопределённые взаимосвязи: «порядок дискурса», свойственный конкретному периоду, конкретной «дискурсивной формации», обладает регламентированной нормотетической функцией, которая определяет, «что может и должно говориться (это выражается в форме торжественной речи, молитвы, памфлета, доклада, программы и т. д.) исходя из данной позиции и в данной связи. Основным моментом здесь является то, что *речь не идёт только лишь о характере используемых слов, но также – и прежде всего – о конструкциях, в которых эти слова сочетаются друг с другом*, в той мере, в какой эти конструкции определяют значение, принимаемое этими словами <...>, слова меняют своё значение в зависимости от положения тех, кто их употребляет, в структуре “идеологической конъюнктуры”; <...> слова меняют своё значение, переходя из одной дискурсивной формации в другую» (Pêcheux 1990: 148).

Дискурс, таким образом, берёт своё начало в некоторой уже существующей отправной точке, поскольку «говорится» всегда «прежде, вовне и независимо». Именно здесь проявляется различие между преконструктом и пресуппозицией (Дюкро), с одной стороны, и «чужой речью» (Бахтин), с другой. Для Бахтина идея безличного *ça* в выражении *ça parle* «говорится» совершенно неприемлема: чужая речь – это всегда речь, которую можно соотнести с неким другим, с другим человеком. Это речь полная, «ответственная», «социализованная» в том смысле, что она «всегда говорит в ответ» на другие речи, произнесённые другими, всегда в новых, неповторимых ситуациях (см. далее на тему субъекта). Идея безличного низвергнута Бахтиным в «монологический ад».

В предисловии к новому переводу «МАРКСИЗМА И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА» (2010) можно найти массу соображений, по которым не стоит переводить *речь* и *слово* как *дискурс* (*discours*). Скажем просто, что французское слово *discours* и португальское *discurso* имеют давнюю историю. Но именно использование в сочетании «анализ дискурса» делает невозможным его употребление в рамках текстов, обычно (и в значительной степени ошибочно) объ-

единяемых под общим именем «кружок Бахтина», который никогда и не существовал во времена самого Бахтина. Более того, то, что во Франции и в Бразилии чрезвычайно широко известно, как университетский курс анализа дискурса, полностью неизвестно в России. То, что могло бы приблизительно соответствовать этому, так это грамматика текста, заимствованная из немецкой традиции. Однако – и в этом я вижу глубинное основание обсуждаемой проблемы – между анализом дискурса и грамматикой текста лежит пропасть, и дело здесь в фундаментальном вопросе о статусе субъекта.

2. По поводу субъекта

Опять же, соглашаясь с мнением Ф. Индурски (Indursky 2000), для которой основное отличие интеллектуальных миров Бахтина и Пешё лежит именно в понимании субъекта: я считаю, что любое «сближение» их позиций должно пониматься с оговорками, без которых можно уйти очень далеко в сторону от истины.

Между аналитиками дискурса во Франции и в Бразилии есть то сходное, что можно назвать общей тенденцией, признающей «смерть субъекта», или точнее, вновь ставящей под сомнение субъекта как «хозяина своих слов», субъекта в картезианском смысле, рассматриваемого вне всяких исторических связей, цельного и отдельного субъекта. Для всех представителей дискурс-анализа ориентирами несомненно служат, если не считать Пешё, звучные имена семидесятых: Лакан, Альтюссер, Фуко, а к тому же ещё и трио классиков: Маркс – Соссюр – Фрейд. Ср. цитату на обложке книги М. Пешё и Ф. Гаде «LA LANGUE INTROUVABLE» («НЕУЛОВИМЫЙ ЯЗЫК», 1981): «Можно мечтать, переписывать историю, представлять другое начало этого столетия. В горячке двадцатых годов политика (октябрь семнадцатого), литература (сюрреализм, формализм, футуризм), психоанализ (Фрейд и его последователи) и лингвистика (которая начинается как наука с Соссюра) встретились бы в Москве, в Вене или в Женеве... Но оставим мечтания, ведь такой «интернационал» никогда не мог бы существовать, представьте: Ленин обсуждает с Фрейдом соссюринское понятие значимости в вагоне Восточного экспресса, украшенного футуристами!».

И опять же: от простого перечисления этих шести имён у российских специалистов по Бахтину поднялись бы волосы на голо-

---

ве. Никто из перечисленных не принадлежит к числу почитаемых бахтиноведов в России. В особенности Маркс, и ещё меньше Ленин! Во Франции или в Бразилии мало известна антимарксистская позиция российских бахтиноведов (даже в советскую эпоху), хотя она и заслуживает особого внимания.

Анализ дискурса имеет смысл только в том случае, если признаётся разделённость субъекта, то, что он не является хозяином всего того, что говорит, хотя и живёт в состоянии иллюзии того, что именно он и является единственным автором. Что из этого можно найти в понимании субъекта Бахтиным и Волошиновым?

Отметим один, на мой взгляд, основополагающий момент – этические основания концепции Бахтина в двадцатые годы. Как и все представители персоналистического течения середины первой половины XX века – как евреи, так и христиане¹ – Бахтин принимает в качестве основного постулата то, что другой – это другой субъект, познание которого невозможно осуществлять таким же образом, как познание объекта. У этого коренного различия между двумя способами познания имеется два источника. С одной стороны, это Вильгельм Дильтей (1833-1911), который противопоставлял объяснение (в науках о природе) и понимание (в науках о человеке). Объяснение связывает явление с тем, что его последовательно, механически вызывает, в то время как понимание достигается путем выявления соотношения явления с тем, что придаёт ему смысл. Действие, речь, произведение не могут, таким образом, рассматриваться как вещи. С другой стороны, это Мартин Бубер (1868-1965), который в своей знаменитой книге 1923 года «Я и Ты» противопоставляет «Я» в отношении к «Ты» и «Я» в отношении к «Оно» или «Он»². В обоих случаях имеется в виду спор о позитивизме или методологический спор, разгоревшийся в начале XX века в России, Германии и Италии: надлежит ли в гуманитарных науках применять тот же способ познания, что и в науках о природе? Этот спор противопоставлял тех, кто, наподобие Дильтея, считал, что два типа наук несводимы к общему ос-

---

1 Не будем забывать о том, что Бахтин был арестован 24 декабря 1928 года из-за причастности к деятельности к группе религиозных философов, а не из-за какой-либо политической деятельности, полностью для него чуждой. Ср. (Sériot 2010: 31-33).

2 Бахтин знал Бубера и восхищался им. По этому поводу см. (Friedman 2005).

нованию, и тех, кто, вслед за позитивистами, не допускал множественности критериев истины.

Я считаю, что проблематика личности является прямой противоположностью антисубъективизму Пешё. Бахтин и Волошинов апеллируют в своих работах не к производителям высказываний, становящимся субъектами вследствие участия в процессе высказывания¹, а к говорящим (говорящим индивидам). Волошинов не разрабатывает теорию субъекта. На самом деле, он ставит перед собой конкретную непосредственную задачу: исследовать один из типов «социальных обменов»: литературный тип. Другие типы общения, лежащие также в этом плане, он рассматривает в противопоставлении с этим: 1) общение на рабочем месте (на заводе и на фабрике, в колхозе и т. д.); 2) управленческое общение (в правительственных и общественных организациях и т. д.); 3) общение в повседневной жизни (встречи и разговоры на улице, в столовой, у себя дома и т.д.); и наконец, идеологическое общение в прямом смысле этого слова (пропаганда, общение в школе, научное, философское общение во всех их вариантах (Voloshinov 2010: 253)).

Поскольку у Бахтина нет производителей высказывания, а есть говорящие, – это ещё одна причина, почему имеется множество сказанных речей, но нет единого высказываемого, которое предполагало бы наличие расчленённого субъекта. Субъект у Бахтина – это конкретный, реальный, неповторимый индивид, неразрывно связанный с какой-то ситуацией; особенностью его является постоянная включённость в «диалог» со словами других индивидов, то есть, ответ на слова другого и ожидание его реакции.

3. Идеология или смысл идей?

Не до конца ясны казалось бы знакомые термины: такие слова, как «марксизм», «окружающая среда», «социальная группа», а особенно, «идеология» – не имеют смысла «сами по себе». Они в значительной степени зависят от конкретного контекста, в котором употребляются. Следует относиться к этим словам не как к

---

¹ У Бахтина или у Волошинова невозможно найти идею, ставшую основной для Бенвениста: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*» (Benveniste 1966: 259; цит. по: Бенвенист 1974: 293). В отличие от говорящего, субъект высказывания не существует до акта самого высказывания.

«условному сигналу», как говорил сам Волошинов, но изучать в подробностях контекст их употребления.

Удивительно, но во Франции, как впрочем и в Бразилии, мало кто из исследователей задавался вопросом, имеет ли слово «идеология» – как оно употребляется Бахтиным, Волошиновым и Медведевым – тот же самый смысл, связываемый с «ложным сознанием» («*conscience fausse*»), которое это слово имеет во Франции после работ Л. Альтюссера, интерпретировавшего книгу К. Маркса «Немецкая идеология» (1846). Идеология, в этом смысле, может опираться только на существование некоего *бессознательного*: индивид действует, думает или говорит исходя из того, что он считает принадлежащим ему лично, исходящим лично от него, тогда как в реальности он всего лишь подчиняется нормам и дискурсам, которые ему навязываются тем социально-экономическим устройством, частью которого он является, не имея возможности выйти из этих связей. Одной из конечных задач анализа дискурса и является критика, опровержение (доминирующей) «идеологии» с целью анализа предпосылок отчуждения.

А вот у Бахтина, Волошинова и Медведева совершенно нельзя найти никакого упоминания отчуждения, совсем наоборот, для них важно подчинение правилам своей «социальной группы», которая не имеет ничего общего с социально-историческими условиями, а определяется тем, что «люди» понимают друг друга, поскольку они какое-то время прожили вместе. К примеру, идеология, согласно Волошинову, это совокупность продуктов культуры, частью которых является наука, это все те идеи, которые находятся в головах «людей». Эта совокупность всегда явна и прозрачна для сознания, поскольку для Волошинова бессознательное не существует (ср. Волошинов 1927).

«... эти сложившиеся идеологические продукты всё время сохраняют самую живую органическую связь с жизненной идеологией, питаются её соками и вне её – мертвы, как мертвы, например, законченное литературное произведение и познавательная идея вне их живого оценивающего восприятия» (Волошинов 1930: 93).

Волошинов полностью отказывается от идеи ложного сознания или «согласия» (итал. *consentimento* в понимании А. Грамши), поскольку видит в этом дуализм, несовместимый с его принципа-

ми монизма. Он не считает возможным, чтобы подчинённый класс разделял ценности власть предержащих.

В СССР в 20-е–30-е годы вошло в обиход ещё одно понимание слова *идеология*. Наибольшую трудность в попытках найти общий язык с советскими коллегами полвека спустя представляло то, что выражение «марксистско-ленинская идеология», само собой разумеется, не могло быть понято иначе, чем «наиболее ясная система идей, положений, позиций». Никому в СССР 70-х годов не приходило в голову, что *идеология* могла иметь хотя бы малейшее отношение к бессознательному.

Но ведь сталинская система появилась не вдруг, не за один день. 20-е годы в СССР были временем колебаний, многочисленных и разнообразных исканий. Слово *идеология* могло иметь намного более широкое значение. Волошинов всего лишь однажды даёт определение тому, что он понимает под идеологией:

«Под идеологией мы будем понимать всю совокупность отражений и преломлений в мозгу человека общественной и природной действительности, выраженную и закреплённую им в слове, рисунке, чертеже или в иной знаковой форме» (Волошинов 1930а: 53).

Видно, что идеология для Волошинова не имеет ничего общего с идеей обретения субъектности у Альтюссера или Грамши – это не ложное сознание, и даже не система идей. Это одновременно вся значимость, всё содержание мысли в той мере, в какой она является коллективной, совокупность не столько идей, сколько знаков, которые составляют содержание сознания. Но из других фрагментов текста вытекает то, что идеология – это то же самое, что и надстройка: искусство, право, наука, философия и, наконец, сам язык.

Заключение

Как это ни парадоксально, но восприятию Бахтина на «Западе» явно не хватает именно исторического подхода, о котором говорит Эни Орланди: недооценка исторического характера понятий, идейного, политического и идеологического контекста советской эпохи, современником которой был Бахтин, является препятствием для активного восприятия его наследия; это недопонимание приводит к деструктивным последствиям и в самой практике анализа дискурса. Превратить Бахтина и его последователей в един-

ственных предшественников и отцов-основателей анализа дискурса, братьев по духу М. Пешё можно только игнорируя по сути идейную атмосферу эпохи, в которой они жили, а также дискуссию по проблемам позитивизма в середине первой половины XX столетия.

Эта проблематика могла бы стать основой для возможного проекта сопоставительных исследований истории идей в Бразилии и в России, уделяющего особое внимание проблеме позитивизма в гуманитарных науках. Для этого необходима совместная работа нескольких исследовательских групп.

Что же касается анализа дискурса в понимании М. Пешё, это весьма важная и творческая практика прочтения текстов. Его нельзя смешивать с персоналистской теорией, а точнее, с совокупностью неподкреплённых реальными доказательствами утверждений, которая фактически по всем пунктам ему *противостоит*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М. Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Волошинов, В. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики. – Звезда. – 1926. – № 6. – С. 244-267.
3. Волошинов, В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. – М.; Л.: Госиздат, 1927.
4. Волошинов, В. Марксизм и философия языка. 2-е изд. – Л.: Прибой, 1930.
5. Волошинов, В. Что такое язык? // Литературная учёба. – 1930а. – № 2. – С. 48-66.
6. Bakhtin, M. M. The dialogic imagination / Tr. by C. Emerson & M. Holquist. – Austin: University of Texas Press, 1981.
7. Bakhtin, M. (Volochinov V.N.). Marxismo e filosofia da linguagem. Problemas fundamentais do método sociológico na ciência da linguagem / Tr. par Michel Lahd et Yara Frateschi Vieira, avec la collab. de Lúcia Teixeira Wisnik, Carlos Henrique D. Chagas Cruz São Paulo: Editora Hucitec / Annablume (tr. de la version française, avec consultation de la version anglaise, ainsi que de l'original russe par Lucy Seki, avec la préface de Marina Yaguello et de Roman Jakobson à la version française), 2002.

8. Bakhtine, M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage / Tr. par Marina Yaguello. – Paris : Minuit, 1977 .
9. Barros, D. L. P. de. Contribuições de Bakhtin Às Teorias do Discurso // Bakhtin, dialogismo e construção do sentido / Beth Brait (org.). – Campinas: Editora Unicamp, 2005 . – P. 25-36.
10. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale. – Paris: Gallimard, 1966. – 356 p.
11. Buber, M. Ich und Du. – Leipzig: Insel-Verlag, 1923. – 137 p.
12. Dilthey, W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. – Leipzig: Duncker Humblot, 1883.
13. Friedman, M. Martin Buber and Mihail Bakhtin. The Dialogue of Voices and the Word that is Spoken // Dialogue as a Means of Collective Communication / Ed. by Banathy and Jenlink. – New York: Kluwer Academic; Plenum Publishers, 2005. – P. 29-39.
14. Gadet, F. La langue introuvable / F. Gadet, M. Pêcheux. – Paris : Maspero, 1981.
15. Indursky, F. Reflexões sobre a linguagem: de Bakhtin à Analise do Discurso // Lingua e Instrumentos Linguísticos. – 2000. – N. 4-5, Dez. 1999/Jul. 2000. – Campinas : Ed. Pontes.
16. Medvedev, P.: La méthode formelle en littérature / Tr. par Bénédicte Vauthier. – Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2008.
17. Orlandi, E. M. Bakhtin em M. Pêcheux: no risco do conteudismo // Bakhtin, dialogismo e construção do sentido / Beth Brait (org.). – Campinas: Editora Unicamp, 2005. – P. 37-46.
18. Pêcheux, M. L'inquiétude du discours : textes choisis et présentés par D. Maldidier. – Paris : Editions des Cendres, 1990.
19. Sériot, P. Voloshinov, la philosophie de l'enthymème et la double nature du signe // Voloshinov Valentin. Marxisme et philosophie du langage / Tr. par P. Sériot et I. Tylkowski, éd. bilingue. – Limoges : Lambert-Lucas, 2010. – P. 13-109.
20. Silva, M. T. da. A configuração de um campo disciplinar: relações de aproximação e diferenças // Hipersaberes. – 2009. – Vol. II, dezembro 2009. – P. 205-219.
21. Todorov, T. Mikhail Bakhtine et la théorie de l'énoncé // Logos semantikos (Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu, 1921-1981) / Ed. by H. Geckeler, B. Schlieben-Lange, J. Trabant, H. Weydt – Berlin – New York: De Gruyter; Madrid: Gredos, 1981. – P. 289-302.
22. Voloshinov, V. Le mot dans la vie et le mot dans la poésie : questions de poétique sociologique / Tr. française par Georges

Philippenko, avec la collab. de Monique Canto sous le titre «Le discours dans la vie et le discours dans la poésie» // Ts. Todorov. Mikhaïl Bakhtine. Le principe dialogique. – Paris : Seuil, 1981. – P. 181-216.

23. Voloshinov, V. Le freudisme, essai critique / Tr. française par Guy Verret // M. Bakhtine. Ecrits sur le freudisme. – Lausanne : L'Âge d'Homme, 1980.

24. Voloshinov, V. Marxisme et philosophie du langage / Tr. par P. Sériot et I. Tylkowski, préface de P. Sériot [édition bilingue]. – Limoges : Lambert-Lucas, 2010 .

25. Zandwais, A. O papel das leituras engajadas em Marxismo e filosofia da linguagem // Conexão Letras. – 2009. – n°4. – P. 1-8.

Авторизованный перевод с французского В. Б. Кашкина

Патрик Серิโอ
Лозаннский университет,
факультет филологии
Лозанна, Швейцария
patrick.seriot@unil.ch

Patrick Sériot
Section de langues slaves
Université de Lausanne, BFSH2
Lausanne, CH-1015, Suisse
phone: + 41 21 / 692 30 01